

Весенняя ночь была ещё по-зимнему холодной. Лу Лин, облаченная в кремовое платье с подолом «рыбий хвост» и наброшенную поверх белую меховую шаль, всё равно дрожала, а кончик её носа покраснел от мороза. Тань Цзиньсюэ, сидевшая рядом, тихо спросила:

— Хочешь, накинешь ещё что-нибудь?

Лу Лин покачала головой. Её глаза ярко сияли, в них читалось небывалое возбуждение:

— Я не мерзну.

Это была её семнадцатая работа, и по логике вещей, нервничать она не должна была. Но сейчас она словно снова стала той семнадцатилетней девушкой — дерзкой, амбициозной, не знающей страха, которая когда-то хвастливо заявляла, что обязательно получит звание киноимператрицы, сохранив при этом чистоту своей репутации.

Тогда она вряд ли могла представить, что спустя десять лет будет сидеть на церемонии вручения наград в Каннах, а цель, к которой она так стремилась, окажется на расстоянии вытянутой руки.

Она повернулась к Тань Цзиньсюэ:

— Я впервые во Франции. — Взгляд женщины переливался радостью, в ней проскальзывали нотки девичьей непосредственности. — Давай после церемонии сходим на пляж?

Тань Цзиньсюэ кивнула.

Началось световое шоу, и шумный зал постепенно притих. Тань Цзиньсюэ с безмятежным выражением лица смотрела на сцену. Сегодня был последний день, и она не могла сказать Лу Лин, что не сможет поехать с ней на море.

— Лучшая женская роль — фильм «Ду Юньшуан», Лу Лин! — объявила ведущая, популярная певица, выпустившая в этом году два хитовых сингла. Она ослепительно улыбнулась, закончив чтение.

Зал взорвался аплодисментами.

Услышав своё имя, произнесенное с легким акцентом, Лу Лин на мгновение оцепенела. А затем осознала: тот самый шаг, который казался таким близким, наконец сделан. Она стала киноимператрицей!

— Иди за наградой, — негромко подсказал «мужчина» рядом, слегка наклонившись к ней.

Лу Лин, будто очнувшись ото сна, поднялась и направилась к сцене. Ослепительные прожекторы ударили ей в лицо, в душе смешались тысячи чувств. Ощущение того, что мечта

стала реальностью, было сродни прогулке по облакам. Она старалась держать осанку и, сияя красивой улыбкой, поднялась на подмости.

Ей протянули микрофон. Ведущая ещё раз взглянула на карточку в руках, и на её лице отразилось крайнее изумление.

— Минуточку... Сейчас я должна объявить сенсационную новость! У награды за лучшую женскую роль есть ещё один обладатель!

Зал дружно ахнул. Ведущая с трудом произнесла:

— Тань Цзиньсюэ!

Все присутствующие знаменитости, режиссёры и продюсеры с изумлением наблюдали, как мужчина в черном фраке от кутюр поднялся со своего места.

— Невероятно!

— Боже, он совсем не похож на того, кого мы видели в фильме!

— Неужели искусство макияжа у китайцев достигло таких высот?!

— Господи, мужчина!

— Он такой красивый... Лучшая женская роль?! Я не ослышался?!

Тань Цзиньсюэ поднялась на сцену и вежливо улыбнулась ведущей.

— Вау, наш лучший исполнитель женской роли невероятно красив! Настоящий ходячий тестостерон!

Тань Цзиньсюэ слегка улыбнулась:

— Я бы хотела, чтобы зрители полюбили меня именно как женщину, какой я была в фильме. — Она повернулась к стоявшей рядом Лу Лин и подмигнула. — А как мужчине, мне достаточно того, что я нравлюсь госпоже Лу.

В глазах ведущей тут же вспыхнул азартный интерес.

— И какие же у вас отношения?

Лу Лин улыбнулась:

— Он — человек, которого я люблю.

Мужчина, спешно спускавшийся по эскалатору, заблокировал экран телефона и широким шагом направился к черному седану, ожидавшему у аэропорта. Церемония ещё не должна была закончиться.

Вечер в Каннах был прохладным. Цзун Цзы, одетый в черное шерстяное пальто, отстранил водителя и сам сел за руль, направляясь к месту проведения церемонии. Заглушив мотор, он закурил прямо в машине.

Спустя двадцать минут он дождался тех, за кем приехал. Тань Цзиньсюэ шла по красной дорожке, держа под руку Лу Лин, и обе улыбались, позволяя вспышкам камер окружить их со всех сторон.

— Поздравляю вас обоих, — сказал Цзун Цзы, стоя у машины.

— Спасибо, — ответила Тань Цзиньсюэ.

— Позвольте мне отвезти вас в отель, — предложил Цзун Цзы.

Тань Цзиньсюэ приподняла бровь:

— Господин Цзун тоже хочет присоединиться к нашей вечеринке в честь победы?

Цзун Цзы усмехнулся:

— Что, вы мне не рады?

Тань Цзиньсюэ бросила взгляд на Лу Лин и невозмутимо ответила:

— Конечно, рады. Тогда побеспокоим вас, господин Цзун.

В конце концов, Цзун Цзы был начальником Лу Лин, и проявить вежливость было необходимо.

Они вернулись в отель. Бар на втором этаже был празднично украшен: золотые шары сложили в форме огромного кубка — выглядело это довольно помпезно. Поскольку фильм «Ду Юньшуан» претендовал на награду, Чжань Ханьцю привез почти всю съемочную группу, а ключевые сотрудники студии Тань Цзиньсюэ и агент Лу Лин также остановились в этом отеле. Как только новость о победе разлетелась, зал наполнился радостными криками. Какими бы ни были разногласия в прошлом, сейчас все были объединены одним чувством.

Атмосфера была горячей и ликующей. Тань Цзиньсюэ притянула Лу Лин за спину и жестом пригласила Цзун Цзы:

— Прощу, господин Цзун. — Она галантно уступила ему дорогу.

Мужчина взглянул на неё и толкнул дверь бара.

— Сюрприз!

Под крики толпы президент Синчэнь Энтертейнмент, вошедший первым, оказался с ног до головы осыпан серпантинном. Сюэ Ань, который первым навел на вошедшего хлопушку, неловко рассмеялся, лихорадочно придумывая оправдание. Но Цзун Цзы лишь поднял руку, смахивая оранжевую ленту с головы, и, не выказывая гнева, обернулся к тем, кто шел позади:

— Ну, заходите.

Тань Цзиньсюэ, всё так же держа под руку Лу Лин, неспешно вошла в зал. Увидев Цзун Цзы, Лу Лин не сдержалась и прыснула со смеху. У неё всегда были натянутые отношения с этим человеком — они буквально не выносили друг друга, — но сегодня он не казался ей таким пугающим и неприступным, как обычно.

Её смех разрядил внезапно возникшее напряжение. Чжань Ханьцзю с хохотом бросился вперед и «открыл огонь» из хлопушки прямо по Тань Цзиньсюэ и Лу Лин.

Тань Цзиньсюэ отреагировала молниеносно: одним движением подхватила Лу Лин за талию и, маневрируя в тесном пространстве бара, быстро увернулась от атаки Чжань Ханьцзю. Лу Лин, застигнутая врасплох, оказалась в объятиях Тань Цзиньсюэ. Перед глазами всё завертелось, но она успела заметить в темных глазах Тань Цзиньсюэ лукавую искорку. Она громко рассмеялась.

Цзун Цзы, весь в конфетти, с разноцветным пиджаком, напоминающим палитру художника, вдруг смягчился. Глядя, как Тань Цзиньсюэ кружит Лу Лин в центре танцпола, он невольно улыбнулся.

Вечеринка продолжалась до тех пор, пока Лу Лин не напилась. Она обнимала Тань Цзиньсюэ, то плача, то смеясь, и даже пыталась утопить зажигалку с барной стойки в стакане с алкоголем, чтобы устроить «глубинную бомбу». Долгие годы мечтаний наконец сбылись, и если не напиться в стельку, эти чувства было просто не переварить.

— Я киноимператрица... А-Сюэ, я киноимператрица... — бормотала Лу Лин, пока Тань Цзиньсюэ неслась её в номер.

Слёзы просачивались из-под её закрытых век. Тань Цзиньсюэ ласково успокаивала её и наконец уложила в кровать. Она взглянула на часы: 23:30. Лу Лин перевернулась на бок и под воздействием алкоголя погрузилась в сон. Без макияжа её лицо казалось таким же чистым, как у ребенка.

Тань Цзиньсюэ бережно подоткнула одеяло.

— Собираешься отдыхать? — раздался голос Цзун Цзы у двери.

Тань Цзиньсюэ взглянула на него:

— Выпила, не спится. А вы, господин Цзун, разве не идете спать?

Цзун Цзы усмехнулся:

— Ты действительно немало выпила. Хочешь перекусить? Я угощу тебя ночным перекусом. — Он посмотрел на неё. — Ты уже отказывалась раньше, но я хочу попробовать снова.

Тань Цзиньсюэ замерла. С тех пор как Цзун Цзы узнал её истинный пол и начал проявлять интерес, выходящий за рамки соперничества, их отношения перестали быть простыми. Тань Цзиньсюэ использовала это, чтобы отвлечь внимание Цзун Цзы от Лу Лин.

Мог ли такой самовлюбленный человек, как Цзун Цзы, не влюбиться в иллюзию, которую так тщательно создавала Тань Цзиньсюэ? У него возникали кратковременные сомнения, но это уже не имело значения.

Тань Цзиньсюэ смотрела на него пару секунд, затем кивнула:

— У меня мало времени.

Цзун Цзы тут же поднялся, на его лице появилась искренняя улыбка:

— Тогда не будем его терять.

Тань Цзиньсюэ никогда раньше не видела его таким счастливым. Она последовала за ним через коридор отеля в небольшую открытую кухню. Там стоял круглый стол, освещенный тусклым теплым светом, а рядом — пустые рабочие поверхности.

Тань Цзиньсюэ села за стол:

— В это время повара отеля, должно быть, уже отдыхают.

Цзун Цзы снял пиджак, повесил его на спинку стула и прошел на кухню:

— Разве не здорово, что мы здесь одни?

Тань Цзиньсюэ моргнула:

— Готовить самому... Похоже, у господина Цзуна самые серьезные намерения.

Она взглянула на часы: 23:59.

Цзун Цзы тихо рассмеялся:

— Разумеется. — Он понизил голос: — Я хочу официально начать ухаживать за тобой.

В этом мире не будет второй такой, как Тань Цзиньсюэ, способной завладеть всем его вниманием. Цзун Цзы всегда был рациональным человеком, но, взвесив все за и против, он решил, что Тань Цзиньсюэ стоит того, чтобы заплатить любую цену. Он вылил яичную смесь на

сковороду, тщательно перемешивая, чтобы каждое зернышко риса было покрыто золотистым ароматным яйцом.

— Цзун Цзы, — внезапно позвала Тань Цзиньсюэ.

Мужчина, занятый тем, чтобы переложить жареный рис на тонкую белую фарфоровую тарелку, отозвался:

— М-м?

— Я отказываю.

Цзун Цзы поднял голову:

— Я сделаю для тебя...

Все обещания, которые он подготовил, застряли у него в горле. Перед ним был только тусклый теплый свет. На деревянном столе была расстелена салфетка, приборы лежали идеально ровно. Жареный рис источал аппетитный аромат. Но вокруг не было ни души.

[Поздравляю Агента 8399 с успешным выходом из мира «Золотая клетка президента»]

Море звезд. Бесчисленные светящиеся палочки слились в единое целое, напоминая в темноте россыпь ярких созвездий. Фигура на главной сцене медленно поднялась вверх. Её голос звучал прекраснее, чем пение любой «золотой птички».

Первая женщина, получившая награду Каннского фестиваля за лучшую роль, вновь превзошла все ожидания. Три её последних сингла вошли в топ-5 чартов независимых музыкантов. Это был её первый сольный концерт — зал на семьдесят тысяч человек был забит до отказа.

Закончив песню на неземной ноте, она поклонилась зрителям.

— Последняя песня посвящена одному человеку.

Она слегка улыбнулась, и блески в уголках её глаз сверкнули, словно слезы. Зрители затаили дыхание. Все знали, кому посвящена эта песня. Всемирно известная киноимператрица, первая актриса китайского происхождения, получившая три международных кинонаграды, обладательница голоса, который называли «иллюзорной мечтой» — всего три года назад она была безвестной актрисой третьего эшелона, чьи скандалы не вызывали даже ряби на воде.

Потом она встретила Тань Цзиньсюэ, и всё изменилось. Их отношения до сих пор оставались легендой в индустрии развлечений.

Три года назад тот самый киноимператор внезапно исчез, полиция даже открыла дело, но так ничего и не нашла. Никто не знал, куда он делся. Она ждала его три года, каждый год ездила на пляж в Каннах, лелея призрачную надежду встретить его там.

Она расторгла контракт с Синчэнь Энтертейнмент — все знали, что отношения между киноимператрицей Лу Лин и её бывшим боссом Цзун Цзы были ледяными. В тот день, когда Тань Цзиньсюэ пропала, Лу Лин увидела выражение лица Цзун Цзы и поняла, что он, вероятно, испытывал к её любимой чувства, которые скрывал от всех.

Полиция закрыла дело, признав пропавшего погибшим. Спустя долгое время Цзун Цзы снова связался с Лу Лин и передал ей песню. Тонкий лист бумаги, знакомый почерк. В ту же секунду Лу Лин поняла: это написала Тань Цзиньсюэ. Она в ярости уставилась на Цзун Цзы. Она стала сильной и зрелой, она его больше не боялась.

Цзун Цзы лишь сказал:

— Это подарок тебе на день рождения. У меня он остался, и совесть не дает покоя. — Он добавил: — Спой её.

А напоследок, тоном, который Лу Лин никогда прежде от него не слышала, попросил:

— Можно мне прийти послушать?

Лу Лин хотела отказать. На своем концерте она имела полное право запретить кому-то присутствовать. Но вопреки всему, она согласилась.

Лу Лин сделала глубокий вдох и запела. Голос женщины на сцене был невероятно чистым, мелодия — плавной и нежной, словно сон.

«Получив награду, я пою только для тебя».

В VIP-зоне в первом ряду сидели преданные фанаты, их светящиеся палочки и плакаты создавали колышущееся море света. В полумраке зала на лице мужчины играли тени, выражение его лица было не разобрать. Цзун Цзы сидел среди девушек, всё в том же строгом костюме, выглядя неуместно серьезным. Он внимательно слушал, хотя его внимание, казалось, было направлено не на сцену.

На его дорогом пиджаке, там, где должен был быть платок, торчал уголок обычной бумажной салфетки с узором. На ней было написано имя, которое уже почти стерлось, но салфетка лежала прямо у самого сердца.

Бюро Быстрых Перемещений.

Тань Цзиньсюэ сняла очки и убрала их. Толстый кот рядом издал недовольное «хрю»:

— Ты потратила столько очков любви, просто чтобы посмотреть на концерт?

Тань Цзиньсюэ спокойно взглянула на него:

— Ты не сказал мне, почему я видела сцену из будущего спустя три года?

Кот настороженно отступил на два шага:

— После выхода из мира фрагменты оригинального мира, просматриваемые через Зеркало Созерцания, случайны, как и временные точки.

— А как насчет подсчета очков любви?

Синий кот поскреб лапой по столу и медленно ответил:

— После выхода фильма, в котором ты снялась, очки любви увеличились на сто тысяч. Успешное покорение главной героини — ещё сто тысяч. Успешное покорение главного героя — ещё сто тысяч. Итого сто девяносто тысяч очков. — Он хмыкнул: — Неудивительно, что ты настояла на том, чтобы остаться на три месяца для съемок, хм, оказывается, ты планировала отыгаться!

Это было больше чем отыгрыш — она сорвала куш! Тань Цзиньсюэ с интересом приподняла бровь:

— Покорение главного героя тоже дает очки расположения?

Кот обернул кончик хвоста вокруг пушистой лапы и нехотя ответил:

— Ну да. Покорение важных персонажей приносит очки любви. Героиня — ключ к завершению миссии, а герой — опора мира того же уровня, что и героиня. Покорение героя дает столько же очков, сколько покорение прохожего.

Тань Цзиньсюэ прищурилась. Отлично. Глядя на улыбку на её лице, кот вздрогнул.

— Я хочу изменить облик «Маскировка под мужчину», — сказала Тань Цзиньсюэ.

Синий толстяк, зная, что виноват, не стал спорить:

— Ладно, тридцать тысяч очков любви. Какой облик хочешь?

— Какая эпоха в следующем мире?

— Современность. После перемещения откроется описание сюжета.

— Пусть будут часы, — она взглянула на кота. — Никаких дополнительных условий?

Кот поспешно замотал головой. Он подобострастно подтолкнул к Тань Цзиньсюэ коробочку с часами и поторопил:

— Тебе пора.

— Оставшиеся сто девяносто тысяч очков переведи на мой счет, — сказала Тань Цзиньсюэ, вставая и направляясь к капсуле перемещения.

Кот с досадой дернул хвостом и запрыгнул на капсулу, наблюдая, как стройная женщина ложится внутрь. Дверь герметично закрылась. Она тут же погрузилась в сон.

— Она такая бессердечная, у-у-у, хозяин, тебе ведь очень грустно? — внезапно обратился кот к пустоте.

Никто не ответил. Толстый кот некоторое время смотрел на Тань Цзиньсюэ в капсуле, а затем с силой ударил лапой по кнопке передачи.

Тань Цзиньсюэ открыла глаза.

В лицо ей ударил поток горячего пара, глаза защипало. Она с трудом моргнула, осознав, что её лицо направлено прямо на огромный котел. Черный железный котел, раза в три больше самого большого таза. Внутри была кукурузная каша с жалкими клочками зелени. Рядом с плитой стояли три грубые керамические миски, у одной из них был приличный скол.

Зеркала в комнате не было. Он поднял руку: грязные рукава были коротки — одежда явно была стара, и он уже перерос её. На запястье были часы, которые казались великоваты. Это тело находилось в стадии активного роста, с подростковой худобой.

Тань Цзиньсюэ огляделась. Кухня была крайне убогой: кирпичная печь, в которой горели дрова. В крошечной комнатухе было лишь одно маленькое разбитое окно, из которого торчала дымовая труба. На стене висели два куска копченого мяса и несколько связок сухого перца, рядом — большая стопка сухого сена. На доске лежала пара вялых овощей — видимо, на следующий прием пищи.

Это была очень бедная семья. Семья из трех человек: мать Цзян Сюхуа, больная и неспособная работать в поле, зарабатывающая гроши шитьем; старший брат Тань Цзиньсюэ — приемный сирота, который с трудом учился в одиннадцатом классе на школьную стипендию; и младшая сестра Цзян Сюань, ученица девятого класса, подающая надежды, которая неделю назад бросила школу, потому что нечем было платить за обучение.

На канале Манго недавно вышло шоу Преображение, и эта семья была одним из кандидатов на место съемок. Только в условиях крайней нищеты можно было заставить проблемного

подростка из города по-настоящему осознать, как трудна жизнь.

Тань Цзиньсюэ, шестнадцать лет, житель деревни Лянтянь, город Наньлин, провинция Юньбэй. Отличник, из крайне бедной семьи, на данный момент — кандидат на роль главного героя в тридцать первом сезоне Преображения.

Ему отчаянно нужен был этот шанс. Плата за обучение ещё не внесена, и если его отправят в город, он сможет своим поведением заработать шанс продолжить учебу в старшей школе. Как только он сдаст выпускные экзамены, с его оценками он сможет навсегда уехать из этого захолустья и бросить эту нищую семью, с которой у него нет никакой кровной связи.

Тань Цзиньсюэ всё ещё планировал бороться за эту возможность, но в город поедет не он сам.

— Мама, я вернулась.

В дом вошла маленькая худенькая девочка, на спине у неё была корзина, размером почти с неё саму, доверху набитая свиным кормом. Ремни корзины глубоко врезались в плечи, заставляя её сгибаться под непосильной ношей.

Это была родная дочь Цзян Сюхуа, сестра Тань Цзиньсюэ, Цзян Сюань.

<http://bllate.org/book/19094/1875265>